

- Николаем I; Ibid. S. 124–125; о венграх см.: Ibid. S. 131.
- ⁵⁰ Ibid. S. 126.
- ⁵¹ Ibid. S. 128–129.
- ⁵² Ibid. S. 131.
- ⁵³ Регинон представляет Карла Толстого как истинно христианского правителя, крах его власти считает испытанием его положительных качеств, которое он успешно с великим терпением преодолевает. Ibid. S. 131.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Lot F. *La France des origines a la guerre de cent ans*. Paris, 1941. P. 122–125; Лот Ф. *Последние Каролинги*. СПб., 2001. С. 151–194; Дюби Ж. *История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460* / пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М., 2000. С. 38–39; Riche P. *Les Carolingiens : Une famille qui fit l'Europe*. P. 25–390; Теис Л. *История Франции : в 2 т. Т. 2*. Paris, 1983. С. 176–200; Балакин В. Д. *Творцы Священной Римской империи*. М., 2004. С. 149.
- ⁵⁵ Подробнее о Рихере и его сочинении см.: Тарасова А. В. *Рихер Реймский и его «Четыре книги историй»* // Рихер Реймский. История. М., 1997. С. 213–271; Sot M. *Richer de Reims // Dictionnaire du Moyen Âge / Dir. C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink*. Paris, 2003. P. 1219; Glenn J. *Politics and History in the Tenth Century : The Work and World of Richer of Reims*. Cambridge, 2004; Lake J. *Richer of Saint-Remi*. Washington, 2013.
- ⁵⁶ Сидоров А. И. *Ближний круг франкского короля в первой половине IX века : поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда)* // *Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики* : сб. ст. М., 2000. С. 90.
- ⁵⁷ *Riheri historiarum libri IV // MGH. Scriptores (in Folio)*. T. XXXXVIII. S. 239.
- ⁵⁸ Гайворонский И. Д. *К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса»* // *Молодой ученый*. 2013. № 6 (53). С. 608–609.

УДК 94 (44) 023–027

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕРОГАТИВ КОРОЛЕВСКОГО ПОМИЛОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ (XIII–XV вв.)

С. А. Польская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

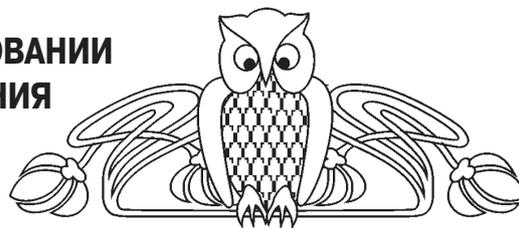
Настоящая статья посвящена проблеме рецепции норм римского права в становления института *le droit de grâce royal* – права королевского помилования как одной из основных потестарных функций французской монархии на протяжении периода, охватывающего правление Людовика IX Святого (1226–1270) до Людовика XI (1461–1483). Кратко рассматриваются основные этапы становления римской системы помилования от царской эпохи до поздней империи. Резюмируется, что христианская (в том числе и августиновская) модель правосудия вступила в определенное противоречие с римской правовой традицией, что усугубилось процессом становления и развития феодального государства.

Ключевые слова: право королевского помилования, грамоты о помиловании, амнистия, аболиция, реституция, индульгенция, обрeпция, субрeпция.

The Reception of the Roman Law in the Formation of the Royal Pardon Prerogatives in France (XIII–XV Centuries)

S. A. Polskaya

This article focuses on the problem of the reception of Roman law rules in the formation of *le droit de grâce royal* Institute – the right of the royal pardon as one of the main potestarian functions of the French monarchy from the reign of Louis IX the Saint (1226–1270) to Louis XI (1461–1483). The main stages of the Roman system of pardon from the tsarist era to the late Empire are briefly characterized. It is presumed that the Christian (including Augustinian) model

of justice entered into a definite contradiction with the Roman legal tradition, exacerbated by the process of becoming and development a feudal state.

Key words: right of the royal pardon, charters of pardon, amnesty, abolition, restitution, pardon, obreption, subreption.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-176-181

В 1723 г. увидел свет трактат советника Парламента г. Меца Николя Менана, посвященный инаугурационному церемониалу французской монархии, – явление, типичное для позднего абсолютизма. Среди прочих описаний автор отмечает: «Все эти церемонии заканчиваются актом милосердия, знаменующим величие и могущество наших королей – это отмена приговора суда и помилования, которые они дают преступникам». И далее пускается в следующий временной экскурс: «... (на посвящении Генриха ... главный духовник Франции, по распоряжению Его Величества, доставил всех тех, кто находился в тюрьмах Реймса, между коими произвел отбор убийц, грабителей, фальшивомонетчиков и прочих, числом 455 человек). [...] Императоры Рима, по данным Светония, также придерживались обычая миловать заключенных ...»¹.

Рефлексия на Светония небезосновательна, в частности, при описании обстоятельств воцарения Нерона и Клавдия: «В той же погоне за народной любовью он (Нерон. – С. II.) помиловал осужденных и сосланных по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил прощение...»; «Ут-вердившись во власти, он (Клавдий. – С. II.) рань-

ше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность государственного устройства. Поэтому все, что было сказано и сделано в это время, он постановил простить и предать забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов из участников заговора...»²

В качестве же потестарной функции французской монархии право королевского помилования – *le droit de grâce royal* – прошло достаточно долгий путь, действительно беря свое начало сразу в нескольких традициях – собственно германской (франкской), христианской и римской, составивших достаточно сложный синтез. Остановимся более подробно на последнем элементе.

Римское правосудие было привнесено в средневековую традицию посредством августиновской концепции. Последняя представляла справедливый суд как опору общества и понимала главу государства как гаранта общественного спокойствия. Эта идея станет главной для обоснования непреложной справедливости королевского суда, основой которого является римская единая правовая норма, публично исходящая от короля. Таков образ христианского монарха, как в подражание Августину, подчеркивает ордонанс Карла VII о судебной реформе 1454 г.: «Полагая, что королевство не сможет долго просуществовать без доброго справедливого порядка, лишённое всякой опоры [...] желаем править нашими подданными как добрый судья...»³

Что касается образа «доброго судьи», то на протяжении всего раннего Средневековья он оставался практически единственным средством отправления власти, а начиная с эпохи Людовика IX выступил главной опорой, поддерживающей монархию и связывающей ее и с сакральной (христианской), и с публично-правовой (римско-германской) функциями власти. Начиная от предписаний «*Establissemens*» Людовика Святого с гарантией мира (*l'asseûrement*)⁴ до ордонанса Людовика XI, утверждающего, что «управление и охрана общественного блага нашего Королевства [...] главным образом заключается в правосудии...», понимаемом как часть «ремесла короля» («*métier de roi*»)⁵.

Его образ справедливого судьи опирался на принцип эпохи Людовика IX: «всякое правосудие исходит от короля», символическим воплощением которого стала, в том числе и процедура помилования заключенных в дни христианских праздников, рождения принцев или принцесс, королевской свадьбы, инаугурации и первого королевского въезда в город. В дальнейшем это обычное явление станет повсеместным, делегируя право освобождения принципам крови, а его истоки исследователи склонны усматривать как в ветхо- и новозаветных, так и собственно средневековых традициях.

Не останавливаясь на христианской концепции милосердного правления, отметим, что для правового обоснования *le droit de grâce royal* требовалась сугубо юридическая теория, имеющая своей опорой не столько патристику, сколько римские право-

вые достижения. Отличительной чертой последних явилась дифференциация милосердия и помилования – амнистии (*amnestia*). Последняя имела две основные формы: общее прекращение судебного производства (*abolitio generalis*) и освобождение осужденного (*restitutio damnatorum*). В первом случае уже содеянное преступление погасалось, и совершивший его восстанавливался во всех правах (*restitutio interarum*)⁶. Существовало и обладающее высшей юридической силой право императорского помилования – *indulgentia generalis*, основанное на так называемом праве интерцессии – приостановлении судебного производства⁷. Оно не только окончательно погашало расследование, но могло изменять санкцию в сторону ее смягчения или отмены, что неизбежно приводило к разного рода злоупотреблениям. На них прямо указывает тот же Светоний: «...он (Веспасиан. – С. II.) без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, – говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намочнуть, а мокрые выжимает»⁸.

Разумеется, подобная система явилась результатом длительного развития, параметры которого, начиная с правовой мысли XVIII–XIX в., явились предметом не одного исследования⁹. Большинство из них сходились на той мысли, что помилование восходит к эпохе республики, поскольку консулы не имели подобной прерогативы, принадлежащей комициям и сенату, что являлось гарантией *fides publica* от дальнейших преследований. Совершенное преступное деяние приобретало статус *obliviones in perpetuum*, что выступало ярким выражением демократического характера римского государства. Дифференциация форм помилования практически не изменила этой трактовки. Так, *abolitio generalis* могло выступать и в виде вычеркивания из списков обвиняемых либо всех, либо части лиц, а также выступала срочной мерой властей. Со временем она утратила религиозный характер, оценивающий деликт как оскорбление высших сил, и эта секуляризация привела к становлению собственно юридической процедуры, согласно которой новое обвинение в этом же преступлении можно было выдвинуть только через 30 дней и истцом должно быть выступать иное лицо. Процесс становления судебной системы допускал погашение: прежнего обвинения и начало нового преследования. В итоге, по верному заключению П. И. Люблинского, амнистия не стала полноценным институтом уголовного права, оставшись во многом политическим решением¹⁰. Как мы увидим ниже, подобное положение сохранится и в средневековой практике.

При этом следует обратить внимание на два обстоятельства: то, что *abolitio generalis* постепенно разделились на *abolitio publica* и *abolitio private* и то, что оба вида помилования распространялись

на лиц, по отношению к которым еще не был вынесен приговор суда за деяния, предусматривающие в большинстве случаев высшую санкцию. Как отметил еще Т. Моммзен: «Эти акты предписывали судам прекращать начатые процессы, с отдельными исключениями, к которым обыкновенно относились дела, влекущие смертную казнь. Это прекращение приносило пользу не только обвиняемому, но и обвинителю, находившемуся под угрозой строгой ответственности»¹¹. Он же обнаруживает прямую связь *abolitio publica* с государственными праздниками – традиция, переросшая в средневековую эпоху в уже указанный порядок королевского помилования с христианским календарем¹². С уходом республики функция вотирования *abolitio generalis* перешла к императорам и по-прежнему погашала сам деликт и все вызванные им правоограничения.

Став императорской прерогативой, общее прекращение судебного производства продолжило развиваться в форме *abolitio private*, эволюционировавшего в прекращение обвинения с позволения либо судьи, либо лично главы государства (чаще всего оно имело целью защитить истца, если он опасался преследований со стороны освобожденного подсудимого), и приобрело новую – *abolitio ex lege*, прекращавшего обвинение со стороны судьи на основании трех причины: прощения самого обвиняемого, смерти обвинителя и несоблюденных формальностей обвинения¹³. Первая из них и станет возможностью составления прошений о помиловании на имя короля в средневековой Франции. Что касается последней, то она понималась римским законодательством и была полностью воспринята каноническим правом, а впоследствии – юристами эрудитами раннего нового времени как субрепция (*subreptio*) – т. е. недобросовестная (ошибочная или нечестная) аргументация¹⁴, конкретизацией которой выступила обрещия (*obreptio*), т. е. доказательство, полученное нелегитимным путем¹⁵.

Наконец, римское правосудие допускало и восстановление в правах (как освобожденных *abolition*, так и уже осужденных), в первую очередь за политические преступления. Но с утверждением империи *restitution damnatorum* распространилась на все виды деликтов и в большей степени обращала внимание на время события – государственный праздник или радостное известие и волеизъявление милости императора. Результатом стало появление новой прерогативы последнего – *indulgentia generalis*.

Тем не менее *indulgentia* не погашала преступления и не отменяла приговор суда, если он был уже вынесен, как не распространялась на наиболее тяжкие с точки зрения интересов государства преступления: оскорбление императора, измену, казнокрадство и т. п. Однако с усилением кризиса общины помилования становились все более частым явлением, не акцентирующим внимание на сугубо политическом характере проступков, а все более

расширяя сферу действия за счет аннулирования последствий преступлений, восстанавливая совершивших их в имущественных и личных правах.

В итоге в Декрете Грациана 1140 г. предписывалась практика изъятия главой государства норм и санкций из общей юрисдикции, что позволяет расценивать эти полномочия императора уже как суверена¹⁶. В средневековой Франции указанное изъятие было окончательно обосновано каноническим правом как временное смягчение строгости закона в силу необходимости или полезности для государства в целом, а не только лично монарха¹⁷.

Постепенно из сложившихся в единую систему параметров сформировалось право королевского помилования. Что касается трактовки соотношения римского и германского компонентов синтеза, то часть исследователей-юристов настаивает на доминанте римского компонента, как и П. И. Люблинский, полагая, что Франция «... явилась воскресительницей тех правовых начал амнистии, которые были выработаны в Риме»¹⁸. Эта позиция, в свою очередь, восходит к Ж. Бодену, считавшему право помилования не только одним из признаков суверенитета, но имеющим своим источником римское право¹⁹. Однако большинство современных французских историков права по понятным причинам настаивает на доминанте внутренних потенциалов развития, полагая королевское помилование продуктом собственной эволюции государства, вобравшим в себя и римскую традицию²⁰.

Королевское помилование получило свое документальное выражение в форме грамот – *les lettres de rémission*, самые ранние экземпляры которых, зарегистрированные в королевской канцелярии, датируются исследователями либо началом²¹, либо концом XIV в.²²; в дальнейшем их количество резко возрастет (ок. 54 тыс. на рубеже XIV–XV вв.²³), что потребует записи по шаблону и отдельного хранения в Сокровищнице хартий (*Le Trésor des Chartes*).

Говоря о рецепции римского наследия, любопытен уже образец их составления и порядок предоставления королю. Он был определен ордонансом дофина Карла 1358 г., вызванным его попыткой монополизировать право помилования в противовес членам королевского совета и позже пролонгированный. Предписывалось, что давшие в том присягу: «Канцлер, мэтр прошений и прочие офисье... должны направлять просителя помилования Его Величества в Большой Совет»²⁴; «Король никому не предоставляет помилование за совершенное преступление без обсуждения на Большом Совете и постановления, подписанного тремя его членами»²⁵. Вероятно, дофин опирался на предпринятую Филиппом IV еще в 1308 г. попытку монополизировать право помилования как регальное право короля: «Это подвластно только ему (королю. – С. П.), и всякий подлежит испытанию и одобрению всех милостей, прощений и помилований для любых покорных ему людей, даже в случае преступления или злоупотреблений...»²⁶

Став королем, Карл V подтвердил эти полномочия, отменив и пошлину²⁷, взимаемую с истцов на местах за подаваемое ими прошение о помиловании. В начале XV в. Карл VI делегирует *le droit de grâce royal* ряду высших должностных лиц, в частности, канцлеру²⁸, но в специальном постановлении Парижскому парламенту предписывает: «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля. Членам Счетной Палаты запрещается утверждать грамоты о помиловании»²⁹.

Поскольку последние включали в себя положение, сохранявшее права пострадавшей стороны, и список исключаящих помилование преступлений³⁰, то возникает вопрос: нарушали ли указы о помиловании текущее законодательство и не попирали ли они права потерпевшей стороны? Что касается первого, то обычное право достаточно часто санкционировало казнь. Но короли достаточно широко использовали *les lettres de rémission* как средство политической борьбы за усиление собственных потестарных функций. В итоге в государственном законодательстве Французского королевства уже с конца XII в., получает достаточно широкое распространение практика изъятия из общего правила, столь характерная и для императорского Рима.

Нельзя не упомянуть еще об одной черте восприятия. Указ о помиловании представлял собой акт, которым монарх устанавливал отправление правосудия, независимо от решения местного суда, т. е. поддерживал собственную юрисдикцию, придавая ей высший характер. С этой целью круг преступлений, подпадающих под *le droit de grâce royal*, постоянно менялся, периодически ограничиваясь ордонансами, которые пытались определить их перечень. Так, если ордонанс дофина Карла 1359 г. строго предписывал, что «Убийства, похищения и поджоги не подлежат получению помилования»³¹, то жалованные грамоты Людовика XI распространяют последнее на все преступления, влекущие за собой смертную казнь: убийства, кражи, предательство, преступления против морали, детоубийство, самоубийство и т. д. Исключением не являлась даже измена, поскольку, как гласил один из указов, «грамоты помилования могут быть получены лицами, восставшими против правосудия»³². В итоге, несмотря на все усилия легистов, ратующих за максимальное ужесточение условий помилования в сторону их ограничения, к началу XVI в. во Франции не осталось ни одного преступления, приговор за совершение которого не мог бы быть отменен королевским милосердием. Сформировался своего рода парадокс, когда помилование оказалось еще и средством монополии монарха на высшую санкцию, а уголовная юстиция стала самой передовой отраслью королевского права.

При этом сам институт прощения не оспаривался, допуская посредничество короля между судом и обвиняемым. При этом право королевского помилования даже в случаях с заслуженно осужденными не ставил под сомнение полномочия

суда (оно оказывается выше их), но посредством *les lettres de rémission* мог исправлять недостатки системы уголовного правосудия.

Последнее же оказалось вынуждено более четко разграничивать случаи, требующие вмешательства короля, и те, которые не могут подлежать его помилованию. Так появились преступления, подлежащие только королевскому суду (*les cas royaux*). Они стали следствием королевских ордонансов, касающихся справедливости и повторяли не только «Установления Людовика Святого», но и нормы права: нарушение гарантии мира (*l'asseïrement*), безопасности (*la sauvegarde*), изготовление фальшивых денег, разбой на дорогах, похищение и изнасилование, ношение оружия, измены, колдовство и богохульство. Начиная с правления Карла V к ним будет добавлено оскорбление величества (*la lèse-majesté*). Процесс в таком случае повторно осуществлялся в королевском суде, а критерием отбора именно указанного перечня выступало явное нарушение социального порядка, идущего в разрез с честью короля (*l'honneur du roi*)³³. Таким путем будет возрождена римская традиция *abolitio private*, в первую очередь за политические преступления.

Разумеется, на практике *le droit de grâce royal* могло привести ко многим нарушениям, тем более учрежденное королевской же властью, оно было предназначено для подтверждения монарших полномочий и репутации. Отсюда проистекает не только настоятельно предписываемая в ордонансах монополия короны на предоставление *les lettres de rémission*, но и подробные инструкции по их реализации для королевских чиновников и в центре, и в провинциях: «Члены Счетной палаты и Палаты хартий Дофинэ должны контролировать указы о помиловании, а также исполнять их решение в этой провинции»³⁴; «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля...»³⁵ После получения грамота должна была быть принята местным судом, который проверял ее содержание, затем доводил его до сведения потерпевшей стороны и обеспечивал мировое соглашение ответчика и истца. Согласие истца выступало общим условием для осуществления королевского помилования. Изначально предоставление официального прощения от потерпевшего или его представителей являлись необходимым пунктом, но начиная с правления Филиппа VI король требует только соглашения сторон: прощение от истца больше не является постулирующей нормой для предоставления *le grâce royal*, а только подтверждением его эффективности. И в этом нельзя не усмотреть достаточно прагматичное использование норм *abolition private* и *abolition ex lege*, практика применения которых позволяла применить их и к французским реалиям XIV в.

Усиление прерогатив права королевского помилования, с одной стороны, и противостояние этому судебной системы, с другой, привело к появлению не только *les cas royaux*, но и возникшей в правлении уже Карла VI новой формы указов – грамот об освобождении (*les lettres d'abolition*

générale). Их тождество с *indulgentia generalis* и *abolitio ex lege* очевидно: во-первых, в реализации права исключительного прощения в тех случаях, когда помилование формально не могло быть предоставлено. Во-вторых, индивидуальное или коллективное, оно могло быть предоставлено либо до, либо после осуждения и приговора суда. В-третьих, оно, как правило, приурочивалось ко дню инаугурации нового монарха, приобретая тем самым особую значимость³⁶. Но особенную важность приобретает не менее явная рецепция *abolitio ex lege*, согласно которой специальное расследование устанавливало, не имели ли место сокрытие фактов и нечестное доказательство (субрепция) или угроза разглашения сведений (обрепция).

Поскольку *les lettres d'abolition générale*, исходя из самой этимологии понятия «*l'abolition*», предполагали полную отмену наказания и, следовательно, вины осужденного или снятие подозрений, если приговор еще не был вынесен, то это предоставляло королю большую свободу действий, превратив указы об освобождении в средство усиления абсолютизма, в то время как *les lettres de rémission* остались в русле общего уголовного правосудия, распространяясь на подлежащие прощению преступления. Поскольку с особенной нетерпимостью к решениям делегированного королевского правосудия относилось благородное сословие, полагая это вмешательством в свои привилегии, то *les lettres de rémission* во многом распространились на дворянство и аристократию, широко восстанавливая помилованных в имущественных и личных правах, что *de facto* «приручало знать» в условиях становящегося абсолютизма, а *de jure* опиралось на *restitutio damnatorum* и *indulgentio generalis* как средства манипулирования королевским правом с той же целью расширения прерогатив государства, все в большей степени концентрирующихся на фигуре суверена.

Примечания

- ¹ Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723. P. 314, 315.
- ² Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей / пер. и примеч. Д. П. Кончаловского. М. ; Л., 1933. Калигула : 15; Клавдий : 11.
- ³ Charles VII, aux Montils-lès-Tours en Avril 1454 après Pâques. Lettres de Charles VII, pour la réformation de la justice // Ordonnances des rois de France de la troisième race / éd. D.-Fr. Secousse : in 22 vol. Vol. XIV. Paris. 1790; Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / éd. de Bréquigny L. G. de. Paris, 1790. P. 285.
- ⁴ Les établissements de Saint Louis : accompagnés des textes primitifs et des textes dérivés / éd. de P. Viollet : 4 vol. Paris, 1881. Vol. 1. P. 511, 518; Vol. 2. P. 46, 56, 57, 58, 423, 424, 456, 478, 495, 496, 514, 519, 533; Vol. 3. P. 17, 179, 96, 307, 308; Vol. 4. P. 276, 312, 313.
- ⁵ Louis XI, à Paris, Septembre 1463 (6). Lettres de garde pour Saint-Framboust de Senlis // Ordonnances des rois de France de la troisième race ... Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / éd. E. Pastoret. Paris, 1814. P. 65.
- ⁶ Humbert M. La peine en droit romain dans le monde antique // La peine. Bruxelles, 1991. LX. P. 133–138.
- ⁷ Legoux J. Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. depuis 1349 jusqu'en 1865. Paris, 1863. P. 11.
- ⁸ Светоний. Указ. соч. Веспасиан : 16.
- ⁹ Seger Th. De abolition veteri et bodierna. Lipsiae, 1778. Herrmannus A. De Abolitionibus Criminum Ex Sententia Iuris Romani. Lipsiae, 1894. Merzel J. Ueber Begnadigungskompetenz im römischen Reichte. Lipsiae, 1881; etc.
- ¹⁰ Люблинский П. И. Право амнистии : Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 12.
- ¹¹ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 458–459.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁴ Основой термина являются глаголы *peno / reptum* – букв. «проникать», «ползти», т. е. в контексте получать что-либо нечестным путем. Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Vol. 43. Part 2. Philadelphia, 1953 (2 nd ed. 1991). P. 605, 720.
- ¹⁵ Термин восходит к синонимичному глаголу *reperere* – букв. «ползти», т. е. в контексте: аналогично вкрадываться в доверие. Ibid.
- ¹⁶ Thomas Y. Arracher la vérité, la Majesté et inquisition (Ier–IVème siècles) // Le juge et le jugements dans les traditions juridiques européennes / Sous la dir. de R. Jakob. Paris, 1996. P. 17.
- ¹⁷ См. подробнее: Brys J. De dispensation in jure canonico. Bruges, 1925.
- ¹⁸ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁹ Bodin J. Les six livres de la république. Paris, 1580. I:10.
- ²⁰ Texier P. La rémission au XIVème siècle : Genèse et développement, thèse droit. Limoges, 1991. Brissaud Y-B. Le droit de grâce à la fin du Moyen Âge (XIVème siècle – XVème siècle). Contribution à l'étude de la restauration de la souveraineté monarchique, thèse droit. Poitiers. 1971. Gauvard C. «De grâce especial». Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge: 2 vol. Paris, 1991.
- ²¹ Gauvard C. Grâce et exécution capitale : les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Âge // Bibliothèque de l'École des Chartes (BEC). 1995. № 153(2). P. 277.
- ²² Francois M. Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // BEC. 1942. № 103. P. 318, 319. Texier P. Rémission et évolutions institutionnelles // Le pardon... P. 342. Francois M. Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // BEC. 1942. № 103. P. 318, 319.

- ²³ *Francois M.* Les lettres de rémission du Trésor des Chartes // BEC. 1943. № 104. P. 450.
- ²⁴ Ordonnance du tieutenant général, rendue en conséquence des demandes des États généraux. 3 mars 1356 // Recueil général des anciennes lois françaises... T. IV. Paris, 1824. P. 819.
- ²⁵ Ordonnance en conséquence des États-généraux de Compiègne. Compiègne, 14 mai 1358 // Ibid. T. V. 1357–1380. Paris, 1824. P. 14–15.
- ²⁶ Le grand coutumier de France / éd. E. Laboulaye, R. Dareste. Paris, 1868. P. 100–101.
- ²⁷ Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoire au Bouteillier de France, d'accorder des lettres de rémission et de pardon, même pour crime de lèse-majesté, sauf confirmation par le Roi. Melun. 29 août 1366 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. V. P. 255–256.
- ²⁸ Mandement portant que le chancelier de France à droit d'accorder en conscit toutes lettres de grâce et de rémission. Paris, 13 mars 1401 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. VII. 1401–1415. Paris, 1825. P. 14–16.
- ²⁹ Constitution portant que le parlements et autres juges, n'obteni péreons pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1403 // Ibid. P. 17.
- ³⁰ *Sermet E.* Le droit de grâce. Toulouse. 1901. P. 69.
- ³¹ Ordonnance faisant defenses aux grands officiers du Roi d'accorder des lettres de grâce. 13 mai 1359 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. V. P. 54.
- ³² *Louis XI.* Lettres patentes. 1472 // Lettres de Louis XI, de roi de France / éd. J. Vaesen, É. Charavay : in 11 vol. Vol. 6. Paris, 1902. P. 158.
- ³³ *Perrot E.* Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1910; *Cheyette F.* La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // Revue historique de droit français et étranger. 1962. № 40. P. 373–394.
- ³⁴ Lettres de Charles VI par les quelles il défend d'obéir aux commandements que les Chambellans, Haissiers, Sergens-d'armes ou Officiers, pourroient faire au nom du Roi, pour l'élargissement des prisonniers, si les dits Officiers, n'ont Lettres patentes à cet effet. Charles VI, à Paris, en Avril 1410 // Ordonnances des rois de France de la troisième race... Vol. XII. Contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI / éd. L.-G. de Vilevault, L. G. de Bréquigny. Paris, 1777. P. 234.
- ³⁵ Constitution portant que le parlements et autres juges... P. 16.
- ³⁶ Lettres d'abolition стали частью судебной реформы Карла VII 1454 г. См.: Ordonnances ou Établissements pour la reformation de la justice. Montile-les-Tours, avrile 1453, avant Pâques // Recueil general des anciennes lois francaises... T. IX. P. 227–228.

УДК 94(437)12/13

УЧАСТИЕ КУТНОГОРСКИХ ПАТРИЦИЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

П. Н. Лапшов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: pav9204@yandex.ru

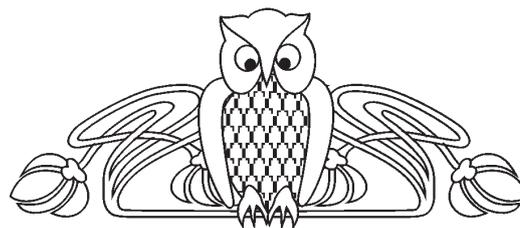
В статье анализируется участие кутногорского патрициата в споре вокруг престола Чешского королевства в начале XIV в. В качестве источника используется «Збраславская хроника» Петра Житавского. В статье определяются причины выступления кутногорских патрициев против чешского панства, рассматриваются противоречия внутри патрицианских группировок, связанные с выбором кандидатов на чешский престол.

Ключевые слова: горное дело, Збраславская хроника, Кутна Гора, серебро, Генрих Хорутанский.

The Participation of Kutna Hora's Patricians in the Political Struggle in Bohemia at the Beginning of the XIV Century

P. N. Lapshov

The article analyzes the participation of Kutna Hora's patricians in the dispute over the throne of the Kingdom of Bohemia at the beginning of the XIV century. As a source, the «Zbraslavskaya Chronicle» of Peter Zhitavsky is used. The article analyzes the causes of Kutna Hora's patricians' speech against Bohemian nobility, considers the contra-

dictions within the patrician groupings connected with the selection of candidates for the Bohemian throne.

Key words: mining, Zbraslavskaya chronicle, Kutna Hora, silver, Henry Horutansky.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-181-183

Экономическое развитие Чехии в XIV в. характеризуется поступательной восходящей динамикой, устойчивым ростом ремесла и торговли, товарности сельского хозяйства и неразрывно связанным с этим увеличением объемов добычи полиметаллических руд и драгоценных металлов.

Чехия располагала богатейшими в Европе месторождениями серебра. Разработкой этих залежей первоначально занимались горняки-кустари, а с XIII в. добыча стала вестись главным образом силами горнодобывающих товариществ, в рамках которых горные предприниматели объединяли капитал и делили получаемую прибыль¹. Особенно богатыми залежами серебра располагал город Кутна Гора.

Горное дело, которое являлось главным фактором успешного развития города, создало из